



РАСПИСАНИЕ
ДОЖДЯ

Сюжетник
Расписание дождя

«Автор»

2026

Сюжетник

Расписание дождя / Сюжетник — «Автор», 2026

Артём Калинин узнаёт о наследстве отца и о брате, которого двадцать пять лет семья делала «невидимым». Марк живёт в центре «Берег», считает дождь точнее прогноза и не переносит самолёты — только поезд два ноль два, только левое окно, только чай «по ладони». Чтобы получить дом в Тольятти и завещание, Артёму нужно довезти брата до Самары и обратно — через долги, коллекторов, директора центра и собственную спешку. «Расписание дождя» — тёплая дорожная проза о двух братьях: одном, который всю жизнь торопился, и другом, который научился ждать правильную минуту. Поезда, дождь, календарь на обратной стороне, письмо отца и выбор — деньги или семья. Для тех, кто любит истории о неожиданной близости, принятии и тихом чуде обычного расписания.

© Сюжетник, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Календарь на обратной стороне	6
Глава 1. Артём узнаёт про брата	7
Глава 2. Центр «Берег»	8
Глава 3. Условия дороги	9
Глава 4. Отправление	10
Глава 5. Первый вечер в пути	11
Глава 6. Рязань. Первый дождь	12
Глава 7. Ночной разговор	13
Глава 8. Самара. Нотариус	14
Глава 9. Тольятти. Дом на Садовой	15
Глава 10. Лидия приезжает	16
Глава 11. Глеб и выбор	17
Глава 12. Обратный путь	18
Глава 13. Москва. Новая комната	19
Глава 14. Магазин «Линия дождя»	20
Глава 15. Дорога: Дождь	21
Глава 16. Дорога: Самара	23
Глава 17. Дорога: Тольятти	25
Глава 18. Дорога: Берег	27
Глава 19. Дорога: Отец	29
Глава 20. Дорога: Марк	31
Глава 21. Дорога: Артём	33
Глава 22. Дорога: Лидия	35
Глава 23. Дорога: Глеб	37
Глава 24. Дорога: Проводница	39
Глава 25. Дорога: Календарь	41
Глава 26. Дорога: Садовая	43
Глава 27. Дорога: Братство	45
Глава 28. Дорога: Поезд 202	47
Глава 29. Дорога: Дождь	49
Глава 30. Дорога: Самара	51
Глава 31. Дорога: Тольятти	53
Глава 32. Дорога: Берег	55
Глава 33. Дорога: Отец	57
Глава 34. Дорога: Марк	59
Глава 35. Дорога: Артём	61
Глава 36. Дорога: Лидия	63
Глава 37. Дорога: Глеб	65
Глава 38. Дорога: Проводница	67
Глава 39. Дорога: Календарь	69
Глава 40. Дорога: Садовая	71
Глава 41. Дорога: Братство	73
Глава 42. Дорога: Поезд 202	75
Глава 43. Дорога: Дождь	77
Глава 44. Дорога: Самара	79
Глава 45. Дорога: Тольятти	81

Конец ознакомительного фрагмента.

82

Сюжетник

Расписание дождя

Пролог. Календарь на обратной стороне

На стене центра «Берег» висел календарь с погодой. Не тот, что продают в киосках — самодельный. Каждая клетка исписана мелким, аккуратным почерком: «0,4 мм, 17:43, запад». Дождь. Время. Направление ветра.

Марк Калинин стоял перед окном и считал. Не капли — секунды между каплями. Так точнее. Так спокойнее.

За дверью спорили взрослые. Снова. Про него — без него.

— Он не поедет один, — говорил чужой мужской голос. — Он вообще никуда не поедет.

Марк не оборачивался. Он знал: поезд два ноль два отправляется в восемнадцать ноль пять. Через три дня. Билеты уже должны быть куплены. Отец обещал. Отец всегда обещал расписание.

Отец умер на прошлой неделе.

На обратной стороне календаря, там, где обычно реклама кофе, отец когда-то написал: «М., когда испугаешься — смотри на дождь. Он не врёт».

Марк смотрел.

Дождь шёл ровно в семнадцать сорок три.

Глава 1. Артём узнаёт про брата

Наследство звучало как спасение. Пока Артём не прочитал третий пункт.

«3. Наследники — сыновья Виктора Калинина: Артём (1992 г.р.) и Марк (1985 г.р.) — совместно присутствуют при открытии завещания в г. Самара, 14.00, ул. Ленинская, 70; в течение семи суток посещают домовладение в г. Тольятти, ул. Садовая, 12, и подписывают акт примирения (форма прилагается). При невыполнении — имущество передаётся фонду опеки «Берег».»

— Марк? — переспросил Артём.

Нотариус по видеосвязи кивнул:

— Старший сын. Сын от первого брака. Вы не знали?

Артём не знал. Или знал и забыл — как забывают то, что стыдно семье. Мать никогда не говорила. Отец — тоже. Двадцать пять лет «не было брата».

— Он... где?

— Центр сопровождения «Берег». Москва. Я отправлю контакты.

Артём посмотрел на телефон. Смс от Глеба: «До пятницы. Или мы приедем сами». Пятница — через четыре дня. Самара — через три. Поезд — если успеть купить.

Он впервые за долгое время не думал о деньгах. Думал о человеке с именем, которое звучало как чужая жизнь его отца.

Глава 2. Центр «Берег»

Здание на окраине не пугало — усыпало. Тишина, запах лекарств и супа, стены цвета «не кричи».

Лидия Петровна — директор — говорила мягко и жёстко одновременно:

— Марк не путешественник.

— Ему сорок один.

— Ему — расписание. Любое отклонение...

— Отец оставил завещание.

Лидия вздохнула:

— Отец не видел его последние два года. Запретил визиты. Вы думаете, завещание — это любовь?

Артём думал, что завещание — это шанс. Для обоих. И для себя — выбраться из долга.

Его провели в комнату. Марк сидел у окна. Блокнот. Карандаш. На столе — три одинаковые ложки (Артём потом узнает: одна лишняя «на всякий случай»).

— Марк, — сказала Лидия, — это Артём. Твой брат.

Марк не повернул голову. Смотрел на небо.

— Облачность шесть десятых. Дождь через одиннадцать минут, — сказал он.

— По-русски, — тихо попросила Лидия.

— Через одиннадцать минут, — повторил Марк. — Ты опоздал на две минуты. Я видел по часам в коридоре.

Артём протянул руку. Марк посмотрел на ладонь, как на таблицу.

— Нельзя трогать без «можно», — сказал он. — Можно?

— Можно, — сказал Артём. И впервые за неделю — честно, без расчёта.

Глава 3. Условия дороги

Переговоры заняли шесть часов. Не с Марком — с его правилами.

1. Только поезд два ноль два. Не самолёт. Не автобус. «Самолёт — дырка в расписании неба».

2. Вагон двенадцать, места сорок один и сорок два. Левое окно — Марку. Сорок два — сумма цифр не тринадцать. Марк проверил.

3. Еда — в строго определённые часы. Чай — кипяток не выше девяноста градусов «по ощущению ладони» (проводница Вера потом скажет: «Я двадцать лет вагоны веду, такого не видела»).

4. Никаких «спонтанных остановок». Если экстренно — предупредить за «три станции».

5. Слово «быстро» запрещено. «Скоро» — можно, но только если назвать время.

— Это всё? — спросил Артём.

Марк открыл блокнот на странице «Самара»:

— Ещё. Ты не уйдёшь на перрон без меня. Даже если «очень надо». Даже если курить.

Ты не куришь. Я знаю. По запаху.

— Откуда?

— Папа не курил. Ты похож на папу. Значит, не куришь. Логика.

Артём согласился на всё. Не потому что понял — потому что иначе не было пути к завещанию. Он ещё не знал, что согласится потом — уже без завещания.

Глава 4. Отправление

Казанский вокзал. Восемнадцать ноль три. Поезд стоит. Марк дышит часто.

— Три минуты до отправления, — бормочет он. — Это нормально. Нормально.

Толпа. Глеб звонит. Артём отклоняет.

Лидия на перроне — последнее предупреждение:

— Если что-то случится — вы отвечаете. Я предупреждала: он не должен...

— Он должен, — перебил Артём. — Отец так написал.

Марк вдруг говорит, не глядя:

— Папа написал ещё кое-что. На календаре. «А., не торопи его. Он успеет раньше тебя».

Буква А — это ты.

Артём застыл. Поезд трогается. Восемнадцать ноль пять — ровно.

Марк улыбается уголком рта:

— Видишь. Не опоздали.

Глава 5. Первый вечер в пути

Вагон-ресторан. Марк ест котлеты на четвёртом километре после Рязани — как обещал своему правилу. Артём — не ест. Смотрит на брата.

— Ты помнишь отца? — спрашивает.

— Каждый день в семнадцать ноль ноль смотрел прогноз с ним. По телевизору. Потом записывал. Я записываю лучше.

— Почему мы не знали друг о друге?

Долгая пауза. Поезд стучит — счёт Марку.

— Потому что ты был маленький. А я — «сложный». Сложный — это когда мама плачет. Папа сказал: «Марк, ты не виноват». Я записал. Каждый день записываю.

Артём чувствует, как что-то ломается в груди — не долг. Что-то хуже и чище.

— Я не знал, — говорит он.

— Теперь знаешь, — говорит Марк. — Это новая строка. В расписании.

Глава 6. Рязань. Первый дождь

За окном — морось. Марк ставит стакан на подоконник.

— Считаем?

— Что?

— Капли. На стекле. Раз в минуту. Я — минуту. Ты — следующую. Без ошибок.

Артём смеётся — нервно:

— Это же...

— Это дождь. Он не смешной. Он точный.

Они считают. Артём ошибается на третьей минуте. Марк не ругает:

— У тебя получится. У всех получается. Если не торопиться.

На станции Рязань-1 заходит Глеб.

Не коллектор — совпадение? Нет. Глаза ищут Артёма.

Артём встаёт. Марк хватает его за рукав:

— Нельзя. Переговоры на перроне — плохие. Папа говорил.

Глеб улыбается через стекло. Показывает телефон — «звони». Уходит.

Артём дрожит. Марк говорит спокойно:

— Он уйдёт в сорок секунд. Сорок... тридцать... двадцать... Ушёл. Видишь. Расписание людей тоже есть.

Глава 7. Ночной разговор

Третья ночь. Купе. Марк не спит — или спит по минутам.

— Артём, — шепчет он, — ты едешь из-за денег?

Честность — новая валюта.

— Да.

— Я — из-за папы.

— И из-за дома?

— Дом — это Садовая, двенадцать. Там сливы. Я считал сливы каждый год. Сорок три дерева. Одно сгорело. Осталось сорок два. Ты не знал?

— Нет.

— Ты много чего не знал. Это не злость. Это факт.

Пауза.

— Когда подпишем — ты вернёшься в «Берег»? — спрашивает Артём.

— Если расписание не сломают.

— А если я попрошу остаться со мной?

Марк смотрит в потолок:

— Тогда нужен новый календарь. И новые правила. Я умею правила.

Артём понимает: это «да». Странное, марковское «да». Но настоящее.

Глава 8. Самара. Нотариус

Четырнадцать ноль ноль. Ленинская, 70. Дождь — как предсказал Марк: с семнадцати сорок трёх вчера до утра.

Нотариус Семёнов — сухой, точный:

— Завещание открываем при обоих. Имущество: доля в квартире, счёт, дом в Тольятти.

Условие — акт примирения и совместное посещение дома.

— А если один откажется? — спрашивает Артём.

— Фонд «Берег». Лидия Петровна будет довольна.

Марк читает вслух пункт про дом — медленно, без ошибок. Артём подписывает. Марк — после, когда ему дали ручку «правильного цвета» (синяя, не чёрная).

На улице Марк говорит:

— Деньги — не главное. Главное — Садовая. Завтра. Поезд в восемь одиннадцать.

— Можно такси, — предлагает Артём.

— Нельзя. Такси — нет расписания. Только поезд.

Они идут под зонтом. Один — держит. Второй — считает лужи.

Глава 9. Тольятти. Дом на Садовой

Дом старый, но живой. Слива пахнет смолой. Марк идёт к каждому дереву — как к знакомым.

— Сорок два, — говорит он. — Видишь?

Внутри — пыль, мебель под чехлами. На кухне — коробка с надписью «М. и А.»

Марк открывает первым. Письма. Календари. Фото: отец молодой, женщина с глазами Марка, младенец — Артём?

Письмо от отца — не для нотариуса. Для них.

«Марк. Артём. Я спрятал старшего сына не потому что стыдился его. Стыдился себя — что не защитил его от чужих слов. Артём — ты не виноват, что не знал. Виноват я. Дом — не награда. Дом — место, где вы встретитесь без меня. Марк — продолжай дождь. Артём — научись слушать. Деньги разделите сами. Я доверяю только тому, кто доведёт брата до конца пути.»

Артём плачет. Марк кладёт ладонь на плечо — «можно» не спрашивал. Но нужно было.

Глава 10. Лидия приезжает

Лидия врывается, как шторм без расписания.

— Марк, ты не имел права...

— Имел, — спокойно говорит Марк. — Папа имел право написать. Я — прочитал.

— Он не дееспособен в вашем «акте примирения»!

— Он дееспособен считать, — говорит Артём. — И выбирать, с кем ехать.

Лидия показывает документы — опека, ограничения, «лучшее для пациента».

Марк открывает блокнот:

— Лучшее — это когда не врут про брата. Вы сказали: «у него нет родных». Это ложь.

Ложь — плохая погода.

Артём звонит нотариусу. Запись отца. Завещание. Акт подписан при свидетелях.

Лидия уходит — но глаза холодные. Глеб ждёт за воротами. Два давления с разных сторон.

Марк говорит:

— Нам надо домой. Не в «Берег». Домой — это новое слово. Я хочу попробовать.

Глава 11. Глеб и выбор

Глеб перехватывает их у вокзала Тольятти.

— Деньги с наследства — мои по факту, — говорит он. — Ты подписал расписку.

— Подписал, — Артём не отрицает.

— Отдай сейчас — или...

Марк вдруг говорит громко:

— Сорок семь секунд. Ты стоишь сорок семь секунд. У тебя закончится терпение на сорок восьмой. Я вижу.

Глеб смеётся:

— Что за...

— На сорок восьмой ты сделаешь шаг. Не правильный. Я не пойду с тобой. Артём — тоже. Потому что ты не в расписании.

И правда — на сорок восьмой секунде Глеб делает резкий шаг. Марк отступает ровно на шаг. Артём встаёт между ними.

— Всё, — говорит Артём. — Я отдаю не деньги — я отдаю долг. Продам долю в квартире. Останется дом. И брат.

Глеб уходит с матом. Марк записывает в блокнот: «Глеб — плохая погода. Пройдёт».

Артём впервые чувствует облегчение дороже любого наследства.

Глава 12. Обратный путь

Поезд на Москву. Места те же. Окно — то же.

Марк рисует таблицу: «Новый дом. Правила».

1. Утро — чай в семь десять.

2. Вечер — дождь считать, если есть.

3. Никто не говорит «сложный».

4. Артём не уезжает «на минутку» без номера вагона на записке.

— Ты будешь жить со мной? — спрашивает Артём.

— Я буду жить по расписанию, — отвечает Марк. — С тобой — если расписание совпадёт.

— Совпадёт.

За окном — Волга. Марк шепчет:

— Папа хотел, чтобы мы ехали вместе. Не в Самару. Вместе — это дальше, чем Самара.

Артём кивает. Долг остался — но жить стало возможно.

Глава 13. Москва. Новая комната

Квартира Артёма — однушка у метро. Мало места. Марк измеряет шагами:

— Окно смотрит на восток. Дождь будет виден. Хорошо.

Лидия звонит — угрозы, суд. Notarius — защита. Акт добровольного сопровождения.

Марк подписывает синей ручкой.

Артём покупает вторую кровать. Марк приносит календарь дождя — тот самый, с «Берега». Вешает на стену.

— Это музей?

— Это расписание, — говорит Марк. — Теперь твоё тоже.

Вечером идёт дождь. Они считают вместе. Артём не ошибается.

— Видишь, — говорит Марк. — Ты научился.

— Кому ты говорил «он успеет раньше тебя»?

— Папе. Каждый день. Теперь — тебе.

Глава 14. Магазин «Линия дождя»

Через полгода — маленький лавка у вокзала. Вывеска: «Линия дождя — альманах, блокноты, чай».

Идея глупая и тёплая: Марк ведёт «расписание осадков» для покупателей — шутят, что точнее приложений. Артём варит чай — девяносто градусов «по ладони» Марка.

Лидия приходит раз — смотрит, молчит. Уходит. Пишет письмо: «Вы сделали то, что мы не смогли — дали ему мир без тишины из жалости».

Глеб исчез из жизни — долг закрыт продажей доли. Больно. Но честно.

Марк не стал «нормальным». Стал собой — рядом с братом. Этого достаточно.

Глава 15. Дорога: Дождь

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. — Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредал, — сказал он. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. Фрагмент 1. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 16. Дорога: Самара

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он.— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

Фрагмент 2. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 17. Дорога: Тольятти

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у сопок Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Фрагмент 3. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 18. Дорога: Берег

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Фрагмент 4. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 19. Дорога: Отец

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у сопок Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. — Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса.— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

Фрагмент 5. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 20. Дорога: Марк

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости.— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. Фрагмент 6. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 21. Дорога: Артём

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса.— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости.— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери.— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. Фрагмент 7. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 22. Дорога: Лидия

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани.— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Дождь ударил по стеклу у сопок Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

Фрагмент 8. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 23. Дорога: Глеб

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге.— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Фрагмент 9. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 24. Дорога: Проводница

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. — Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. — Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Фрагмент 10. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 25. Дорога: Календарь

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге.— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он.— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани.— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости.— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

Фрагмент 11. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 26. Дорога: Садовая

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. Фрагмент 12. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 27. Дорога: Братство

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. — Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Дождь ударил по стеклу у сопок Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Фрагмент 13. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 28. Дорога: Поезд 202

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. — Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

Фрагмент 14. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 29. Дорога: Дождь

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса.— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Фрагмент 15. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 30. Дорога: Самара

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. — Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. Фрагмент 16. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 31. Дорога: Тольятти

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса.— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани.— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери.— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

Фрагмент 17. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 32. Дорога: Берег

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. — Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани.— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у сопок Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Фрагмент 18. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 33. Дорога: Отец

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Фрагмент 19. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 34. Дорога: Марк

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса.— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

Фрагмент 20. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 35. Дорога: Артём

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. — Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. Фрагмент 21. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 36. Дорога: Лидия

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. — Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. Фрагмент 22. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 37. Дорога: Глеб

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани.— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Дождь ударил по стеклу у сопок Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

Фрагмент 23. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 38. Дорога: Проводница

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Фрагмент 24. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 39. Дорога: Календарь

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. — Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Фрагмент 25. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 40. Дорога: Садовая

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

За окном мелькнула Кузнецк. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге.— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредал, — сказал он.— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани.— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости.— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

Фрагмент 26. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 41. Дорога: Братство

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

За окном мелькнула Сызрань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. — Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. Фрагмент 27. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 42. Дорога: Поезд 202

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

Дождь ударил по стеклу у моста через Волгу. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

За окном мелькнула Пенза. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — фото отца из архива. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о обещании матери. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у сопок Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. Фрагмент 28. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 43. Дорога: Дождь

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

Дождь ударил по стеклу у поворота к Волге. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. — Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

В вагоне пахло жареной картошкой и мокрым плащом. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

За окном мелькнула Муром. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пустой счёт в банке. — Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге.— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

Фрагмент 29. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 44. Дорога: Самара

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Проводница Зоя принесла чай. Марк попросил стакан ровно на четырнадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о наследстве. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Каждая станция — глава. Каждый дождь — подпись неба. Книга, которую Марк читал без слов.

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

Дождь ударил по стеклу у сопки Жигулей. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Письмо нотариуса: «Присутствие обоих наследников обязательно. Иначе средства — фонду «Берег».»

— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

В вагоне пахло железом и сыростью. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. — Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге. — Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупредил, — сказал он. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса.— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Дорога не меняла братьев. Она только показывала, кем они были, когда их перестали прятать друг от друга.

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Фрагмент 30. Поезд два ноль два идёт на восток. За окном — Россия, которую Артём не замечал, когда жил «быстро».

Марк Калинин, сорок один год, центр «Берег», расписание дождя на каждый день года в блокноте. Артём Калинин, тридцать четыре, долги, пустые обещания. Отец Виктор мёртв. Завещание странное: не деньги — путь. Самара. Тольятти. Дом детства. Подписи обоих братьев.

Двадцать пять лет они не виделись. Не потому что не могли — потому что семья решила, что одного брата «удобнее» не показывать.

«Человек дождя» — не про дождь. Про того, кто слышит мир иначе. Марк считает капли, поезда, минуты. Артём считал только потери. Дорога пересчитает обоих.

Самара ждёт. Нотариус ждёт. Коллекторы — тоже. Лидия из «Берега» хочет вернуть Марка. Марк хочет только одного: чтобы поезд не нарушил расписание. И чтобы брат не ушёл снова.

Глава 45. Дорога: Тольятти

— Дождь в Самаре начнётся в семнадцать сорок три. Я уже посчитал. Ты не веришь — посмотри в окно в семнадцать сорок два.

За окном мелькнула Рязань. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — смс от коллекторов. Отец водил Марка смотреть составы на малом кольце — когда Артёму было три, его оставляли у бабушки.

Артём понял, что всю жизнь бежал от медлительности — и прибежал к человеку, для которого медлительность и есть мир.

— Нельзя садиться на место с номером, где сумма цифр равна тринадцати. Это плохое место. Я пробовал один раз. Плохое.

Проводница Тамара принесла чай. Марк попросил стакан ровно на одиннадцать минут. Артём пил, не глядя — думал о долге.— Папа говорил: расписание — это обещание. Дождь — это расписание неба.

На перроне Пенза-1 толпа. Марк закрыл уши ладонями. Артём встал между братом и шумом, как щит из плохой ткани. Виктор оставил в завещании не деньги первым пунктом — «совместное путешествие». Слово «путешествие» Марк перечитал четыре раза.

— Ты говоришь «быстро». Быстро — это когда все успели. Мы не все. Я — успел. Ты — нет.

Дождь ударил по стеклу у окна в туман. Марк улыбнулся — редкая улыбка. — Я предупреждал, — сказал он. Марк не смотрел в глаза. Но плечом коснулся брата — как будто так и говорил: «Я здесь».

— Котлеты в вагоне-ресторане лучше на четвёртый километр после Рязани. Не спрашивай почему. Так.

В вагоне пахло антисептиком и чаем. Кто-то включил музыку. Марк застонал. Артём выключил чужой телефон — впервые без злости. На обратной стороне старого календаря — почерк отца: «М., не закрывай окно, когда идёт дождь. Там цифры.»

— Если человек кричит, он теряет минуты. У тебя минут не осталось. У меня — целый вечер.

За окном мелькнула Жигулёвск. Марк не отрывался от блокнота с таблицей осадков. Артём смотрел на телефон — пропущенный от нотариуса.— Поезд два ноль два опаздывает только в чётные вторники в марте. Сегодня среда. Значит, опоздание невозможно.

Проводница Вера принесла чай. Марк попросил стакан ровно на семь минут. Артём пил, не глядя — думал о Лидии из центра. Артём нашёл фото: отец держит за руку двух мальчиков. Одного он не узнал — потом понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.